

Л. ТЕВЕНО

ПРАГМАТИКА ПОЗНАНИЯ. ВВЕДЕНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПОЗНАНИЕМ, КОЛЛЕКТИВНОСТЬЮ И ПРАКТИКОЙ

В социологии с давних пор знаниям, представлениям, чувствам, убеждениям социальных акторов отводится важная роль. Есть ли преемственность между традиционным социологическим объяснением и складывающимся ныне когнитивным направлением? Пожалуй, односложного положительного ответа на этот вопрос будет недостаточно, учитывая то рвение, с каким социологи, конструируя свои категории, пытаются уклониться от понятий, принятых в конкурирующей дисциплине (психологии), и даже прямо им противостоять. Если знания и вызывают интерес у социологов, то, вероятно, лишь при исследовании социальных связей, которым непосредственно занимается их дисциплина. Впрочем, с одной стороны, исследование «социального познания» можно считать полезным для когнитивного подхода, чрезмерно сконцентрированного на процессах индивидуального познания. С другой стороны, в самых разных направлениях когнитивной социологии мы не найдем ничего, кроме элегантных суждений об общественных детерминантах поведения, которыми и интересуются социологи, не проявляя подлинного интереса к процессу познания

Тевено Лоран (Thévenot Laurent) — профессор Высшей школы социальных наук (Париж). **Адрес:** Groupe de Sociologie Polititique et Morale, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 105 bd Raspail, 75006 Paris. **Электронная почта:** thevenot@ehess.fr

Перевод выполнен канд. филос. наук А.Д. Хлопиным по изданию: Thévenot L. *Pragmatiques de la connaissance // Sociologie et connaissance. Nouvelles approches cognitives* / A. Borzeix, A. Bouvier, P. Pharo (eds.). Paris: Ed. du CNRS, 1998. P. 101-139. Редактор перевода О.А. Оберемко. *Продолжение в следующем номере.*

как таковому. Именно поэтому нам следует одновременно рассмотреть, как трактуется знание и связанные с ним формы [figures] социального, или коллективного.

Соперничая с психологами, социологи «изгоняют» знание отсюда, куда принято помещать мышление в другие сферы — в освоенные тела [des corps habitués], практики, упорядоченные в рамках институтов, а с недавних пор даже в технические устройства, которыми обслуживается знание¹. Поэтому познание, изучаемое социологом, оказывается связанным не только с формами коллективного, но и с конфигурациями действия. Именно активная вовлеченность в действие дает актору возможность испытать разного рода противодействия, которыми порождаются представления о реальности и придается объективность миру посредством сопоставления различных данных опыта. Во всяком случае, тип «действия», который преимущественно интересует социолога, не всегда отрывается от «социального» настолько, чтобы сконцентрировать внимание на неожиданном для актора опыте и проверке знаний, которая следует из вовлеченности в действие.

Поэтому для критического анализа направлений когнитивной социологии необходимо рассмотреть совокупность понятий, используемых при истолковании знаний, социального и действия. Ориентиром при решении этой задачи мне послужит опыт, полученный в ходе выполнения исследовательской программы, в которой анализ координации действий был сосредоточен на операциях познания и оценки, и этот анализ привел к рекомбинации категорий, предназначенных для истолкования коллективного и вовлеченности в практику. В первой части я рассмотрю центральную тему для социологии дюркгеймовского направления, а значит, и для социального конструктивизма — соотношение объективного, социального и практического, — а также некоторые переключки с феноменологией, возникающие в связи с обращением М. Мосса к идее освоенного тела. Во второй части, исходя из ограничений, налагаемых подобным конституированием социальной реальности, рассматриваются предложения о возможных [мыслительных] операциях, позволяющих представить порядок знания, политики и практики. В русле этих возможностей в третьей части обсуждаются взаимоотношения между форматами схватывания

¹ Согласно предложенной Винсентом Декомбом классификации философов сознания [l'esprit] эти социологи относятся не к менталистской линии, восходящей к Декарту, Локку, Юму и Мэн де Бирану, а к философам, помещающим сознание вовне, в сферу объективного духа, коллективного использования знаков, как это делают, например, Пирс и Витгенштейн. Именно к последнему направлению Декомб относит собственные исследования [23, p. 10].

[saisie²] мира, процессами координации действий и разновидностями вовлеченности в них, а также излагаются новейшие достижения в области исследований прагматических режимов.

1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ ПРАКТИК: ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ У ДЮРКГЕЙМА И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ

Нет ничего удивительного в обращении к трудам Дюркгейма с целью найти основания когнитивной социологии. В «Элементарных формах религиозной жизни» он проявляет отчетливое стремление исследовать социальную основу таких простых категорий человеческого знания, как время, пространство, причина. Таким образом, он намерен разработать программу, соперничающую одновременно и с эмпиризмом, и с кантовским априоризмом³. Прочность этих конституирующих объективность категорий, которые обычно не подвергаются сомнению, объясняется, с его точки зрения, их происхождением из социального опыта.

Эти категории противопоставляются индивидуальным формам знания, которые пригодны только для того, чей опыт они обобщают и от чьих ощущений зависят. Так, в случае с категорией времени Дюркгейм противопоставляет частное время, воспринимаемое в «индивидуальном опыте», «комплексу ощущений и образов», позволяющих нам ориентироваться в пространстве, «социальному времени», «времени, общему для группы», которое выступает как настоящий «социальный институт» [32, р. 15⁴].

Если когнитивное, коллективное и объективное столь тесно переплетены, а этот тезис со временем ляжет в основу социального конструктивизма, то в чем конкретно заключается сущность объективности? В ответе на этот вопрос, прежде всего, содержится соотношение социального и фактического, характерное для трудов Дюркгейма. Согласно положению, сформулированному в «Методологии», социальные факты представимы тем объективнее, чем полнее они отделены от индивидуальных фактов, в которых они проявляются. Это

² Глагол «saisir» («to capture», «схватывать») и его производные широко употребляются специалистами в области информации; трактовку см.: Agre Ph. *Surveillance et saisie: Deux modèles de l'information personnelle // Cognition et information en société / Dir. de B. Conein et L. Thevenot. Paris: l'EHESS, 1997. P. 249-250. — Прим. ред.*

³ О социологических категориях знания полезные сведения содержатся в работе [61].

⁴ См. русский перевод: Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 188). — Прим. ред.*

соотношение подтверждается благодаря подходу Дюркгейма к истолкованию человеческих действий в понятиях «коллективных привычек», которые составляют «устойчивый объект, постоянную меру» [33, р. 44⁵]. Однако наряду с указанием на принципиальную вещность социальных фактов Дюркгейм в равной мере говорит и об «объективных знаках». Это указание могло бы ориентировать исследование в направлении, отличном от принятого социальным конструктивизмом — к изучению того, как познавательные операции распространяются на технические устройства. Дюркгейм в этом смысле намечает проект метрологии времени, когда подчеркивает, насколько наше представление о нем зависит от «тех способов, какими мы его делим, измеряем, выражаем с помощью объективных знаков» [32, р. 14⁶]. Но от предметов и процедур, поистине «необходимых ориентиров» он быстро переходит к тому, что в общем и целом относит к «социальной жизни». Календарь «отражает коллективную деятельность»⁷, и Дюркгейм говоря о ней, употребляет понятия ритуала и церемонии. Недостаточное внимание к объектам и инструментам познания, которые наверняка бы содействовали проявлению реализма, делает последний необязательным и приводит к классическому конвенциализму, обнаруживаемому вплоть до поворота к прагматизму при исследовании речевых актов.

Соотношение объективного и коллективного

В понятии института, к которому Дюркгейм сводит социальное производство времени, угадывается стремление закрепить сходство между коллективным и объективным. Фактически Дюркгейм [33, р. XXII⁸] предлагает обозначать этим термином все «верования и все формы поведения», установленные коллективом, ссылаясь на трактовку этого понятия, которую П. Фоконне и М. Мосс дали в написанной для «Большой энциклопедии» (*Grande Encyclopédie*) статье «Социология» [68]. Размышляя о воспитании, благодаря которому «в каждом из нас над индивидуальным существом надстраивается существо социальное», ее авторы под институтом понимают все то, что индивиды «обнаруживают перед собой и что в большей или меньшей мере навязано им как в виде обычаев и манер, предрассудков и суеверий, так и в виде политических учреждений и юридических инстанций» [36, р. 16]. Именно в понятии «интеллектуальный капитал» Дюркгейм объединяет орудие, категорию и институт, когда признает

⁵ См. русский перевод: Там же, С. 66-67. — Прим. ред.

⁶ См. русский перевод: Там же. С. 186. — Прим. ред.

⁷ У Дюркгейма «ритм коллективной деятельности» [32, р. 20]. — Прим. ред.

⁸ См. русский перевод: Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. М.: Канон, 1995. С. 20. — Прим. ред.

за ними «тесное родство». Категории предстают как «инструменты мышления», которые человеческие группы старательно выковывали на протяжении веков; в орудии же накапливался «материальный капитал» [32, р. 27⁹].

Здесь Дюркгейм намечает перенос понятия капитала за пределы экономики, чему уготовано большое будущее в социологии. Не ограничиваясь метафорическим смыслом понятия, необходимо уточнить природу этого родства, поскольку аналогия чревата риском остановиться на полпути анализ связи между знаниями, коллективной координацией действий и инструментами объективации. Идентична ли структура институтов, сведенных к социальным практикам¹⁰, структуре орудий? Такова гипотеза, которую постараются подтвердить некоторые направления социального конструктивизма, особенно в социологии науки и техники. Сводима ли объективность к социальной условности? Некоторые высказывания Дюркгейма четко ориентируют на негативный ответ. В них предвосхищен релятивистский уклон, еще больше сблизивший коллективное с социальным для того, чтобы в конце концов одно понятие полностью перекрыло другое.

В «Метод социологии» Дюркгейм предостерегает от опасного предположения, будто практика или институт обладают «условным характером» [33, р. 28¹¹], а в «Элементарных формах религиозной жизни» идет еще дальше, поскольку согласно «основному постулату социологии», человеческий институт «не может базироваться на заблуждении и обмане»: «если бы он не основывался на природе вещей, он встретил бы в вещах сопротивление, которое не смог бы преодолеть» [32, р. 2¹²]. Этим определением Дюркгейм ясно указывает, что не институциональный порядок служит основой объективности, а, напротив, институциональный порядок должен пройти проверку противодействием со стороны вещей. На этом различии настаивает и Хабермас, которое ему необходимо для того, чтобы в своей трехкомпонентной архитектонике коммуникативного действия отделить

⁹ См. русский перевод: Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 199. — *Прим. ред.*

¹⁰ О возможности свести институциональные структуры к социальным практикам см.: [61, р. 45].

¹¹ См. русский перевод: Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. М.: Канон, 1995. С. 52. — *Прим. ред.*

¹² См. русский перевод Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 176. — *Прим. ред.*

претензию на истинность от нормативных требований, поскольку одной безличности не достаточно, чтобы удовлетворять обоим требованиям [47, р. 83]¹³.

Итак, у Дюркгейма обнаруживается своего рода испытание реальности. Оно состоит в длительном выявлении некоторого соответствия между установленными людьми институтами и природой вещей. Само испытание связано с формами деятельности, приоритетными для Дюркгейма, — с относительно устойчивыми и распространенными социальными практиками, а не с опытом действия, который больше интересует представителей прагматизма. М. Ламон и Р. Уатноу со знанием дела обращают внимание на то, что американский подход к исследованию коллективных фреймов, являющихся культурными кодами, отличается от европейского аналога, что обусловлено наследием прагматизма и упором на опыт как источник знаний [63, р. 289]. Внедрение в практику вызывает особый интерес у Энн Свидлер, которая подходит к культуре как к «ящику для инструментов», наполненному символами, историями, ритуалами и мировоззрениями [88, р. 273]. Контраст с европейским (в данном случае французским) подходом еще отчетливее проявляется в работах структуралистов о кодах, что и заставляет М. Ламона и Р. Уатноу говорить о «сосредоточенности европейцев на познании» систем классификации [63, р. 289-290]. Зато в рамках дюркгеймовского наследия связь с формой практики уже установлена. В США неодюркгеймианцы, занятые изучением «границ символического» [22; 62], предлагают установить связь между кодом, властью и неравенством. Хотя они находятся под влиянием французской социологической литературы о социальных классификациях, они продолжают наследие Дюркгейма и Мосса, пользуясь и другими достижениями.

От простейших форм классификации к противопоставлению классов

Начатая Дюркгеймом и Моссом часть программы когнитивной социологии, будучи наиболее завершенной и вместе с тем наиболее влиятельной, касается не элементарных категорий разума, а социальных классификаций. Соответствие между морфологией социальных

¹³ Хабермас идет еще дальше и считает позицию Дюркгейма близкой к прагматизму Пирса, хотя и далекой от позиции Джемса: он полагает, что в понятии истины Дюркгейм связывает объективность с «интерсубъективной ценностью, необходимой дескриптивному высказыванию», а соответствие между пропозициями и фактами основывает на «идеализированном консенсусе». Ганс Йоас подчеркивает, что в полемике Дюркгейма по поводу таящихся в прагматизме опасностей релятивизма, есть основания, чтобы отклонить некоторые обвинения в релятивизме, предъявленные ему по поводу теории истины [53, р. 563].

групп и формами классификации постулировано в известных высказываниях, где утверждается, что «классификация вещей воспроизводит классификацию людей», а отношения людей в действительности служили «прототипами» «логических отношений вещей», поскольку «первыми классами вещей были классы людей, в которые эти вещи были включены» [36, р. 169, 224¹⁴]. Классификации не зависят ни от чувственно воспринимаемого мира, ни от научной логики [36, р. 166]¹⁵, но от социальной иерархии, так что объединение вещей в один и тот же класс предполагает, что они — «родственные между собой... “из одной и той же плоти ”, из одной и той же семьи», и что «логические отношения тогда в известном смысле являются домашними отношениями» [36, р. 226¹⁶]. В этих высказываниях авторы характеризуют коллектив в терминах домашних связей, как форму, принципиально отличающуюся от совместной принадлежности к одной социальной группе. Здесь можно было бы увидеть намерение избежать смешения [простой] классификации с [реальной] социальной группой: [тогда] разным представлениям о коллективе соответствовали бы разные формы объединения вещей, при этом образ дома был бы лишь одной из форм коллектива среди других форм. Однако Дюркгейм и Мосс так далеко не заходят.

Постулированное Дюркгеймом и Моссом соответствие между морфологией социальных групп и формами классификации Бурдье и Болтански [9] дополняют антагонизмом марксистского толка, так что от классовой борьбы между социальными группами можно переходить к «борьбе классификации». Взятые в контексте конфликтных отношений между соперничающими группами, классификации рассматриваются как манипулятивная игра стратегических интересов, в которой действуют при случае бессознательные механизмы¹⁷.

¹⁴ См. русский перевод: Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 13, 68. — *Прим. ред.*

¹⁵ У Дюркгейма и Мосса написано несколько иначе, что адекватно отражено в русском переводе А.Б. Гофмана: «Всякая классификация предполагает иерархический порядок, модель которого не дает нам ни чувственно воспринимаемый мир, ни наше сознание». С. 10. — *Курсив и прим. ред.*

¹⁶ См. русский перевод: Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации к исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 69. — *Прим. ред.*

¹⁷ О социальном конструктивизме и социальном конструировании категорий см. [19; 20].

Неотрефлексированное познание и усвоенное знание

Хотя Дюркгейм едва ли придавал бы проявлениям бессознательного тот же статус, какой им придают после Фрейда, он все-таки противопоставлял две «совершенно разные формы психологической жизни коллективов». Одна из них «пребывает в сумерках подсознания», тогда как другая — итог размышления, которому благоприятствует обмен мнениями между индивидами в ассамблеях или советах органов управления [31, р. 113]. Дюркгейм также связывает эти бессознательные мотивы с воспроизводимыми рутинными действиями, приписывая «косности сознания» обретенные в детстве «коллективные предрассудки»: коллективные идеи и чувства — «невразумительные, неосознанные... неизменно остаются одними и теми же» [31, р. 121]. Таким образом, бессознательное сближается с царством мнения, против которого выступал Руссо. По Дюркгейму, демократическое государство, подобно общей воле Руссо, должно содействовать преодолению «неосознаваемых чувств», которые, даже будучи коллективными, все равно относятся к разновидности предрассудка. Дюркгейм укрепляет позицию индивида размышляющего и обладающего самосознанием.

Противопоставляя косность коллективному сознанию через соотношение предрассудка с осмысленным суждением, Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» предлагает иной взгляд на ритуал, с которым рутинные, повторяющиеся действия часто смешиваются. Он усматривает возникновение категорий познания в ритуале, с которым связывает религиозный опыт «коллективного возбуждения», и тем самым существенно изменяет теорию, изложенную в «Первобытных формах классификации»¹⁸. Факт признания деятельности источником познания служит поводом для сближения Дюркгейма с прагматизмом, что и было сделано Парсонсом [75, р. 440, сноска 1]. Комментируя это сближение, Ганс Йоас замечает, что Парсонс проявил интуицию, поскольку не мог знать о содержании лекций Дюркгейма о прагматизме, которые были опубликованы по конспектам 18 лет спустя [54, р. 561]. Йоас обращает внимание на то, что теория познания Дюркгейма, равно как и прагматизм, предлагает совершенно далекий от модели инструментального действия подход к соотношению знания и практической деятельности. Однако он подчеркивает, что Дюркгейм уже самим выбором для исследования типа деятельности (коллективной практики ритуала) уклонился и от подхода прагматизма к познанию, в основе которого лежит решение

¹⁸ Джеффри Александер подчеркивал влияние на Дюркгейма Робертсона Смита [2, р. 484], который настаивал на публичном или квазипубличном характере совместно переживаемых эмоций во время религиозных празднеств и на том, что в такие моменты общественные интересы ставятся в центр общего внимания.

практических проблем повседневной жизни [54, p. 128, 132]¹⁹. Марк Кледис [16, chap. 4] также причисляет Дюркгейма к «умеренным прагматистам» (mild-mannered) наряду с Гудменом, автором «Ways of Worldmaking» [46]. Дюркгейм отвергал в прагматизме, как ясно видно из его лекций, где он ведет спор с Джемсом [35], субъективистскую трактовку истины, которую неоднократно высказывал Джемс. Дюркгейма интересует сопротивление реальности, ощущение того, что есть нечто, что превосходит индивида, что является ему в виде коллективных представлений и чем прагматисты вообще пренебрегают.

**Практическое познание:
гибрид габитуса Мосса и феноменологии привычки**

Изучение коллективных представлений — не единственная область, где проявляется противоположность социологического и психологического подходов к познанию. Она также проявляется в изучении знаний, буквально воплощенных в навыках тела. Поэтому психологи отдают приоритет практической деятельности перед целеполагающей, которая созревает в ходе основательного обсуждения, следующего за определением намерений и инвентаризацией имеющихся знаний. Здесь опять социологический подход к познанию тяготеет к теориям деятельности. Называя «когнитивным поворотом» произошедшее в последние 20 лет обновление социальных теорий, поворотом, сравнимым по своей радикальности с отказом от утилитаризма в начале XX века, Уильям Пауэлл и Пол Димаджио усматривают в нем «переход от теории действия Парсонса, укорененной во фрейдовской психологии “эго”, к теории практического действия, основанной на этнометодологии²⁰ и “когнитивной революции”, произошедшей в психологии» [89, p. 15]. Далее они уточняют, что под «познанием» они одновременно понимают и умозаключения (raisonnement), и досознательные (préconscients) основания мышления — классификации, представления, сценарии, приемы и т. д.

¹⁹ О смещении этнологического и этологического понимания «ритуала» в интеракционизме, в частности, у И. Гофмана, см. [18]. В социологии понятия «миф» и «церемония» часто используют при смещении акцента с прямой эффективности действия на символическую эффективность (см., например [71]). Мы в своем подходе, исследуя, помимо символической эффективности и координации, и испытания реальности, сосредоточиваемся на природе испытания, которому подвергается церемония или ритуал. Этот вопрос нельзя снять одной лишь ссылкой на их повторяемость.

²⁰ Действительно, в предисловии к книге *Studies in Ethnomethodology* Гарольд Гарфинкель заметил, что в ней рассматриваются «практическая деятельность, практические обстоятельства и социологические выводы практического свойства» [42, p. 1].

Внимание социологов к практическим и предсознательным знаниям стало итогом, главным образом, внешнего влияния, которое испытала на себе дюркгеймовская традиция в результате целого ряда изменений, произошедших в феноменологии Гуссерля. Однако проявленный Моссом интерес к человеческому телу и его техникам, а также использование не только им, но и Дюркгеймом понятия «габитус» содействовали слиянию этих двух традиций задолго до того, как Пьер Бурдьё намеренно, пусть и не всегда открыто [51]²¹, стал предлагать их сочетание. Все же тело как объект исследования меньше занимало Бурдьё, чем Мосса, с точки зрения которого техники тела обладают не только «экологическими», но и социальными свойствами²². В отличие от ранних работ по этнологии кабиллов, Бурдьё своим габитусом слишком быстро связывает телесную привычку и коллектив социальной группы. Мерло-Понти, у которого редкое употребление понятия «габитуса» скорее указывает на социальное через культуру («сознание проецирует себя в физический мир и обладает телом так же, как оно проецирует себя в культурный мир и обладает габитусами» [70, р. 160]²³), выдвигает на первый план тело. Если полагать, что тело осуществляет обобщение, то это обобщение не имеет отношения к порядку социальной группы. Тело рассматривается как некое опосредующее сознания и медиатор между сознанием и миром в силу его двигательной функции, которая есть форма интенциональности, нацеленности на строго определенные объекты [70, р. 161]²⁴. Внимание к телу в движении позволяет придать

²¹ Франсуа Эран подчеркивает, что в изложении теории габитуса Бурдьё прибегает к приему подмены, весьма часто используемому в феноменологии, то есть к одновременному отказу от механицизма и интеллектуализма. Но это он делает лишь для того, чтобы сразу же принизить феноменологию под одним из противопоставляемых терминов и в выгодном свете, в качестве третьего члена, представить свою теорию практики, слишком мало при этом отдавая должное Мерло-Понти [51, р. 403]. Добавлю, что именно этот последний представитель феноменологической фамилии особенно внимательно следил за текстами Сартра, более ориентированного на индивидуализм, чем сам Мерло-Понти. Бурдьё и Пасрон писали в 1960-е годы: «Когда Сартр утверждает, что “единство ответственности” должно быть единством “личностным”, он восстанавливает букву и дух персонализма» [10]. (Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. СПб.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002. С. 565. — Прим. ред.)

²² Об отличии подходов к практике у Мосса см. [97, 99].

²³ См. русский перевод: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 185. — Прим. ред.

²⁴ Там же. С. 185-186. — Прим. ред.

«новый смысл слову “смысл”» [70, р. 171²⁵], поскольку «усвоение (saisie) навыка — это усвоение значения, но это двигательное усвоение двигательного значения» [70, р. 167²⁶]. В качестве «исходного образца переносов, соответствий, отождествлений, которые делают пространство объективной системой», именно тело придает нашей жизни «общепринятую форму», продлевая наши «личные действия» посредством «устойчивых предрасположенностей» [70, р. 166, 171²⁷]²⁸. Для Мерло-Понти общность высшего уровня объективности возникает тогда, когда учитывается тело другого, «который ставит передо мной задачу реальной коммуникации и придает моим целям новое значение intersубъективности, или объективности» [69, р. 53].

Обращение к телу позволяет не только рассматривать отношение к окружающей среде, которое имеет в большей степени личностный и в меньшей — непосредственно коллективный характер. Его рассмотрение ориентирует на исследование напрямую не обусловленной культурой сенсорно-моторной зависимости от среды. Проанализировать вместе зависимость от природы и от культуры оказалось весьма проблематичным из-за оппозиции культуры и природы, которая особенно резко обозначена в европейской социальной науке. Мосс и его ученик Одрикур еще рассматривают в комплексе культурную и экологическую адаптации к миру [97; 99], не забывая подчеркнуть глубинную связь между «традицией» и «эффективностью». Огюстен Берк, берясь за проект «человеческой мезологии», ссылается на изобретателя этого понятия — врача, статистика и демографа Адольфа Бертийона, одного из основателей парижской школы антропологии, который рассматривает в комплексе физическое и культурное воздействие среды [4, р. 134].

²⁵ Там же. С. 196. — *Прим. ред.*

²⁶ См. русский перевод: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 191-192. — *Прим. ред.*

²⁷ Там же. С. 191, 196. — *Прим. ред.*

²⁸ Характерную для Мерло-Понти манеру переработки и расширения понятия привычки Эран противопоставляет стратегии Бурдьё, который сводит привычку к машинальным действиям, чтобы легче осуществить ее расширительное толкование и приклеить к ней латинский ярлык. Вместе с тем подчеркнем, что у Мерло-Понти привычка не соотносится с коллективом, как габитус у Бурдьё. Статья Эрана интересна не только тем, что в ней терпеливо распутывается семантический клубок вокруг понятия привычки. С неиссякаемой виртуозностью и тщательностью анализирует он употребление важнейших категорий и вскрывает смыслы, которые исследуемые им авторы подразумевали, но сами не эксплицировали. Ибо содержание понятия полнее всего раскрывается в том, как его употребляют.

Объективация и легитимность при социальном конструировании реальности

Объективизм Дюркгейма отличается от феноменологии Гуссерля, выделяющего степени объективации, отношение близости. Шютц интерпретирует эти степени в категориях степеней близости (Эран сближает их со степенями стандартизации и бюрократизации Вебера). Если феноменология фокусируется главным образом на соотношении досознательного и осознанного знания, то субъективный подход Гуссерля слабо приспособлен к тому, чтобы схватывать все степени объективации вплоть до тех объективаций, которые имеют статус коллективных и институциональных представлений.

Опираясь одновременно на дюркгеймовское наследие и прагматизм, из которого вышел интеракционизм, социальный конструктивизм в лице Бергера и Лукмана признает «степени приближенности и удаленности», когда не редуцирует «реальность повседневной жизни» к «непосредственному присутствию» [3, р. 35²⁹]. Эти авторы заимствуют у Шютца идею дифференциации по «степени анонимности», чтобы распространить феноменологию Гуссерля на интересующий мир [84], и выстраивают континуум типизаций — от не-проблематичного хода повседневной жизни до анонимности и удаленности³⁰. Высший, собственно институциональный уровень [объективации] характеризуется тем, что «типы акторов осуществляют взаимную типизацию опривыченных действий»; результат выражается в форме ролей [3, р. 78, 81]³¹. Однако эта взаимная типизация не может происходить в континууме локальных типизаций, поскольку она требует появления третьей стороны, которая качественно «меняет характер социального взаимодействия» [3, р. 83³²]. При толковании третьей стороны Бергер и Лукман вдохновляются анализом перехода от диады к триаде у Зиммеля и совмещают его с концепцией объективности социальной реальности Дюркгейма³³. Однако ни созданная Дюркгеймом

²⁹ См. русский перевод: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 42. — Прим. ред.

³⁰ Изамбер выявил точки соприкосновения идей Бергера и Лукмана с социологией Вебера (взгляд понимающей социологии, интерес к типу), возникшие благодаря посреднической роли Шютца [52].

³¹ См. русский перевод: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 92, 95. Цитата из указанного русского перевода книги П. Бергера и Т. Лукмана (с. 92) изменена в соответствии с оригиналом (р. 51). — Прим. ред.

³² См. русский перевод: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 97-98. — Прим. ред.

³³ Координацию со ссылкой на точку зрения, приемлемую для третьего лица то выделяют (что мы и сделаем), то смешивают с коллективным упорядочением практик под влиянием общих решений. Обе эти позиции

когнитивная социология объективации, ни феноменологическая традиция не позволяют выявить особенности еще более высокой стадии — «второго порядка объективации значений» институтов, — которой мало простой самоочевидности типизаций, и которая требует «объяснения» и «оправдания» [3, р. 88, 127³⁴]. При рассмотрении легитимации, в ходе которой должны создаваться «новые значения», способные «интегрировать уже сопряженные с разнородными институциональными процессами значения³⁵», Бергер и Лукман естественным образом обращаются к веберовскому анализу [3, р. 127³⁶]. Они подчеркивают, что легитимация «оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам». Она, следовательно, «имеет когнитивный и нормативный аспекты», то есть содержит знание, а не только «ценности»³⁷.

Эта связь между знанием и нормой открывает возможность для новых построений. Бергер и Лукман указывают, что легитимации «начинают достигать сравнительной самостоятельности относительно легитимируемых институтов», что отражено в понятиях идеологии Маркса и деривации Парето [3, р. 132³⁸]. Но они не ограничиваются критикой легитимации, которой славится традиция критической социологии. Один из вдохновителей этой традиции, Макс Вебер, впрочем, и сам не вполне ее придерживался. Он отличал легитимность, видимую извне, и тем самым поставленную под сомнение, и легитимность, поддерживаемую изнутри [институционального] порядка. Парсонс в комментарии также подчеркивает это различие, указывая

могут попеременно занимать одни и те же авторы. В работе о типичности и феноменологической перспективе Даниэль Сефай подчеркивает, что «коллизия между детерминацией и рефлексивностью» возникает при характеристике и схем опыта, и институтов [14].

³⁴ См. русский перевод: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 103, 151, 153. — Прим. ред.

³⁵ Цитата из указанного русского перевода книги П. Бергера и Т. Лукмана (с. 151) изменена в соответствии с оригиналом (р. 85). — Прим. ред.

³⁶ См. русский перевод: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 314. Прим. 66. — Прим. ред.

³⁷ Парсонс замечает, что Вебер понятие «условность» закрепляет за обычаями (*brauch*), интегрированными в легитимный порядок, и усматривает сходство с устанавливаемым Самнером различием между *mores* и *folkways* [105, р. 32*].

* См. русский перевод: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 640. — Прим. ред.

³⁸ См. русский перевод: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 156, 314, прим. 68. — Прим. ред

на разницу между классификацией Вебера «типов легитимных порядков» в зависимости от направленных на их сохранение мотивов (среди которых можно выделить эгоистический интерес) и его же классификацией оснований этих порядков и, соответственно, веских оснований для признания их легитимности. В качестве примера Парсонс приводит разницу между атеистами, поддерживающими учение о святости королевской власти из страха перед нежелательными последствиями, к которым могло бы привести свержение основанного на нем порядка, и людьми, чувствующими моральную обязанность ему подчиняться. Согласно Веберу, социолог представил бы третью точку зрения на легитимный порядок, поставив вопрос, какова его значимость (*Geltung*), то есть вероятность того, что он управляет социальным действием. Словом, Вебер показывает, что одна и та же социальная группа может принять множество противоречащих систем порядка, и не исключено, что индивид ориентирует свое действие, иногда одновременно, на эти противоречащие системы: человек будет драться на дуэли, следуя кодексу чести, но считается с законом, сохранив дуэль в тайне или отправившись в полицию [105, р. 31–33³⁹].

Наконец, Бергер и Лукман снова обращаются к когнитивной социологии Дюркгейма, когда пишут о последнем уровне легитимации — о «символическом универсуме», в котором «сфера практического применения преодолевается раз и навсегда» [3, р. 132]⁴⁰.

Пределы взаимосвязи объективного, коллективного, практического и постановка проблем

Проведенное Дюркгеймом и Моссом сближение объективного, коллективного и практического заложило, до появления самого термина, основу социологии знания и побудило поставить во главу угла анализ категорий и инструментов познания, используемых социальными акторами. Сегодня можно в полной мере оценить преимущества этого подхода по сравнению с другими направлениями в социологии, не имевшими когнитивной ориентации, или с ортодоксальной экономикой, в которой за исключением [определения] цены и оптимизирующей рациональности, мало внимания уделялось когнитивным операциям и инструментам, используемым акторами. Прямое влияние Дюркгейма и Мосса на французские работы о социальной классификации, как и на труды Мэри Дуглас, слилось в общем русле

³⁹ См. русский перевод: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 636–639.

⁴⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 157. Цитата из указанного русского перевода книги П. Бергера и Т. Лукмана изменена в соответствии с оригиналом (р. 88). — Прим ред.

социального конструктивизма с влиянием направлений феноменологического толка благодаря трансфертам и переводам, выполненным Шютцем, а позднее этнометодологами. Таким образом, совершенный Дюркгеймом поворот был необходим поскольку его интерпретации объективного и институционализованного повлияли и на развитие социального конструктивизма в социологии, и на развитие институционализма, к которому себя причисляют некоторые направления в экономике и экономической социологии. В данной работе я постараюсь, используя преимущества названных научных направлений, преодолеть их ограниченность. Каковы же ограничения, которые не дают двигаться вперед? Я выделю три проблемы, оставшиеся не разрешенными ни Дюркгеймом, ни так или иначе искажающими его интерпретаторами. Если придавать коллективу слишком большое значение, каждая из этих проблем может оставаться незамеченной, однако, если заострить на них внимание, они откроют новые пути для исследования.

а) Проблема коллективного пользования знаниями

Первая коллизия связана с отношениями между коллективным характером пользования знаниями, которые интересуют социолога, изучающего социальные представления, и индивидуальным мышлением, якобы находящимся в компетенции психолога. Если отказаться от этого междисциплинарного деления, то придется признать, что сугубо коллективное использование знаний ничем не гарантировано и что, тем не менее, кое-какие знания создаются и применяются именно с этой целью. Придется опровергнуть очевидность коллективного в рамках контекстуального подхода, разработанного при содействии американской этнометодологии. Но следует также принять во внимание консистентность форм коллективного, с которыми соотносятся члены наших обществ. В случае удовлетворения обоих этих требований открывается перспектива для реализации большой программы по исследованию разновидностей перехода от частного к общему, от индивидуального к коллективному, от единичного к общественному. Избегая противоречия между дюркгеймовскими коллективными знаниями и вскрытой этнометодологами их непреодолимой локальностью, мы должны учитывать различия в формате знаний и, особенно, в операциях, нацеленных на то, чтобы придать им свойство общих референтов.

б) Проблема коллективного упорядочения практик

Вторую коллизию составляет коллективный характер практик, консолидирующих социальные знания. Коллектив стремится воплотиться в сходстве и устойчивости типов поведения, которые должны быть упорядоченными и регулярными для поддержания социальной объективности знаний. Тогда различие между понятиями коллективно разделяемого знания и совместной деятельности оказывается

очень незначительным. Как мы видели, переключение внимания исследователя на тело, которое явно несет и индивидуальные особенности, и ментальные представления индивида, мало способствовало признанию этой коллизии, хотя сами телесные акты [engagements corporels] и воплощенные в теле навыки полагаются упорядоченными.

Разбирая употребление «социальной практики» и связанных с ней понятий, Стивен Тернер «проблемой Мосса» называет тот факт, что отнесение сходным образом описанных способов действия к одной и той же «практике» является результатом культурно обусловленной перспективы, то есть внешнего взгляда на [наблюдаемые] различия [104, р. 23-24]. Чтобы объяснить общность практик, «проблему трансмиссии» надо освещать в иных терминах, нежели «интернализация» и «воспроизводство» [104, р. 50, 62].

в) Проблема практической проверки знаний

Поставленные выше вопросы о динамике упорядочения социальных практик подводят нас к последнему пункту — проверке представлений и других форм социальных знаний. В социологическом объяснении задача проверки их реальности обычно связана именно с практикой, посредством которой и устанавливается реальность знаний. Однако проверка может откладываться до бесконечности, когда социальные практики настолько близки общественным представлениям, что едва ли с ними не смешиваются, и тогда появляется столь распространенная в социальных науках метафора кода (символического, культурного, эмоционального и т. д.). Возникает огромное искушение (правда, как мы видели, Дюркгейм ему не поддался) низвести объективное к коллективному и тем самым еще сильнее укрепиться в социальном конструктивизме. А чтобы избежать ошибки вытекающего из него реализма, следовало бы обратить внимание на проверку коллективных представлений и динамику их пересмотра в процессе проверки реальности.

2. СПОСОБЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ФАКТА: АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК ОПЕРАЦИЙ

Наше внимание сосредоточено не столько на установленных представлениях, коллективность и объективность которых кажется проблематичной, сколько на операциях с представлениями. Переключая свое внимание, мы постарались не считать знания коллективными формами и оставить место для коллизии, вызванной их индивидуальным и ситуативным разнообразием. Кроме того, при рассмотрении этой операции нам удалось отказаться от менталистской когнитивистской модели и сохранить связь знаний с формами коллектива и практической деятельностью в мире. Такой ракурс позволит избежать двух полярных трактовок «представления», согласно

которым представление либо соотносится с данной реальностью, либо, напротив, предстает как ее социальная конструкция.

Социальная статистика: исходный номологический альянс социальных и естественных наук

Логично было бы начать исследование с социальных представлений, имеющих особенно широкое распространение, то есть производимых статистикой. Интерес к основному средству категоризации представлений — их классификациям — приводит нас сразу к наследию Дюркгейма и Мосса, о котором я уже напомнил в общих чертах. Но по мере обрастания аналитическими инструментами, не относящимися к этой традиции, наше исследование естественным образом привело нас к операциям и формам эквивалентности, на которых держатся и научные, и социальные, и политические конструкции. Двигаясь в данном направлении, мы вернулись к этой традиции, поскольку появилась возможность по-новому увидеть ее основания [92]. Тесная связь между объективным и коллективным явилась результатом первого длительного альянса между социальными и естественными науками, сложившегося при создании социальной статистики. Истоки уравнивания объективного с коллективным, хорошо понятны [100] из программы, предложенной Джоном Стюартом Миллем для социальных наук (которые он называл «моральными»). Эта программа предлагала опираться на большие массы, поскольку только они подчиняются законам. Как в «теории приливов и отливов», ученый не может надеяться, что ему станут доступны мельчайшие «частные причины». Мы можем знать, «как будет думать, чувствовать и действовать большинство человечества или того или другого народа или класса». То, что в поведении отдельного человека представляется не более чем «вероятностью», «становится достоверным в приложении к... коллективному поведению масс». Однако изучение коллективного поведения должно обладать доказательностью, достаточной для социальных и политических наук [72, р. 32, 34⁴¹]. Между тем в определении предмета социальных наук Дюркгейм включает взаимосвязи [101], исходя из «коллективного поведения масс». Именно здесь вступают в дело интересующие нас инструменты познания и оценивания. Центральным элементом взаимосвязи выступает норма, соотношенная со средней величиной. Поначалу⁴² Дюркгейма вдохновляет

⁴¹ См. русский перевод: *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Пер. с англ. В.Н. Ивановского. М.: Книжное дело, 1900. С. 686, 687.

⁴² Дерозьер доказал, что, в конечном счете, Дюркгейм отказался от предложенной Кетле привязки к среднему человеку [26].

Кетле. Последний ссылается на Лапласа, предложившего применять «к наукам политическим и нравственным» метод, «который служил нам так хорошо в науках естественных» [64, р. 2⁴³]. В близкой к Миллю формулировке Кетле выдвигает тезис о том, что «чем больше число наблюдаемых индивидуумов, тем более сглаживается индивидуальная воля... и тем рельефнее обозначается ряд тех общих фактов, в силу которых общество существует и поддерживает свое существование» [79, р. 12⁴⁴]. Среднюю величину можно рассмотреть с точки зрения экономии мышления, как это делает Адольф Бертильон, когда утверждает: «субъективная средняя величина обобщает множество порожденных индивидуальными вариациями впечатлений, соответствуя абстракции, созданной нашим разумом с тем, чтобы синтезировать эти впечатления и тем самым разгрузить нашу память, наше внимание и наш поиск» (Цит. по [25]). Но за средней величиной может также стоять политическое или моральное представление, содержащее оценку. Вклад, сделанный Кетле, как раз и состоит в нахождении взаимосвязи между среднестатистической величиной и типичным представителем, будь то нормальный человек с точки зрения медицины [5, р. 267] или великий человек гегельянца Виктора Кузена, несущий в себе дух масс [5, р. 278]. Но репрезентация всеобщего не обязательно воплощается в великом человеке: ее можно обнаружить в каждом индивиде, выражающем общую волю, как в политической теории Руссо, либо, как у Дюркгейма, в «социальном существе», у которого «иная природа, чем у его частей» [34, р. 160].

Изучение социальных и статистических категорий и три подхода к пониманию представления

Исследования социальной и статистической категоризации, проведенные Болтански [6, 8] и Дерозьером в Национальном институте статистики и экономических исследований (INSEE) [24–28, 95, 102, 103], позволили раскрыть понятие представления и рассмотреть заложенные в нем импликации по трем направлениям, соответствующим разному пониманию операции представления. Далее я вкратце опишу результаты этих исследований, а затем коснусь их критического разбора, начало которому недавно положил Бернар Конен в очень интересной работе о классификациях, где он стремится исследовать возможности когнитивных подходов [17].

⁴³ См. русский перевод: *Лаплас. Опыт философии теории вероятности*. М.: Б.и., 1908. С. 105. Перевод цитаты изменен в соответствии с оригиналом. — *Прим. ред.*

⁴⁴ См. русский перевод: *Кетле А. Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики*. Т. 1. СПб.: Издание О.И. Бакста, 1865. С. 8-9. — *Прим. ред.*

а) Представление как когнитивная операция сопоставления

В строгом смысле представление можно рассматривать как познавательную операцию, помогающую сличить частные случаи, например, соотнести двух разных индивидов. Операции сопоставления можно производить разными способами, начиная с определения телесного сходства и заканчивая признаками гражданского состояния и особенностями личной биографии. В широком полотно эпистем, созданном Мишелем Фуко в «Словах и вещах», в исторической ретроспективе представлены разные способы сличения, являющие собой набросок «истории сходства» [39, р. 15⁴⁵].

Способы сопоставления: нормальность и типичность

В первой работе о категоризации людей разных профессиональных занятий — по мастерству, профессии, должности, — я показал, что дело не только в разнице «социальных ролей» и полномочий, связанных со званием и должностью, но и в разнообразии видов информации, используемой для квалификации: в одних случаях это личностные характеристики, консолидированные в образцово-показательные примеры, в других — критерии, конституирующие классы эквивалентности [95]. Речь шла о выделении различных способов сопоставления и их применении. Согласованность между типом информации и способом ее использования (между фактически переданной информацией и ее последующей обработкой при категоризации) обнаружили «члены» профессиональной группы и их представители, осведомлявшие «посторонних» третьих лиц, а также сами «посторонние», которые должны были их категоризовать [28]. Исследования способов [категоризации, к которым прибегают] разные агенты при сортировке и их последующее влияние на классификацию [102], а также эксперименты с непрофессионалами [8] позволили изучить специфику этих способов сопоставления. Даже при составлении новой номенклатуры социально-профессиональных категорий мы старались находить различия в способах их идентификации, не ограничиваясь признанием формального, поверхностного сходства [29]. Избегая, в частности, «усреднения», свойственного статистическому подходу, при котором конструируется формальное тождество классифицируемых единиц в рамках одной категории, сопоставление по близости к типу, мы старались учесть это уподобление типу в категориальной структуре [27]⁴⁶. Впрочем, еще Курно критиковал

⁴⁵ См.: Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: Аcaд, 1994. С. 36.

⁴⁶ Внимание к отличиям в способах классификации и обобщения было продиктовано тем, что мы одновременно занимались статистикой и социологией, но особенно — несочетаемостью логики статистического и монографического исследования.

«современных статистиков» за то, что у них «система средних величин детерминирует форму, эйдос особого типа» [21, р. 374]. Констатируя редукцию экземпляра к средней величине, Курно приводит пример с прямоугольным треугольником, не обладающим «важнейшим признаком вида». Он делает общий вывод из этого примера и утверждает, что нельзя «без ограничений или произвольно установленной конвенции с помощью таблицы средних мер определять форму либо структуру особого типа для столь сложной системы, какой являются органы растения или животного». Когда он противопоставляет среднюю величину и тип, то приводит в пример льва в качестве «типа рода *Felis*», вида, соединившего в себе «как никто другой, с высшей степенью совершенства, отличительные признаки рода, и из-за этого, будь он ясно или же неясно воспринят, его все равно сочтут красивым среди всех прочих, не допустив никакого произвола в таком суждении» [21, р. 379]. В конце 1970-х годов психолог Элеанор Рош [80] уделяла особое внимание категоризации посредством прототипа, как отмечал Даниэль Дюбуа [13, р. 11], в связи с разработкой семантических моделей памяти. Нам удалось экспериментально показать, что в социальных классификациях сопоставление производится на основе типичности, а не критериальной эквивалентности [8]. Это вполне согласуется с тем, о чем писал Л. Болтански в исследовании слоя руководителей и специалистов (*les cadres*) [6]: социальные категории стилизуются и теми, кто к ним принадлежит, и теми, кто их представляет.

Конен критикует Рош, когда она расширяет свою модель так, что под нее подпадают и животные, и предметы мебели. При таком расширении остаются вне поля зрения выявленные Скоттом Этрэном различия между «концептуальными сферами», детерминирующими «установки здравого смысла»: эссенциалистскую и таксономическую идентификацию, применяемую к области животного мира, категоризацию объектов (артефактов) по их функциям и категоризацию интенциональных существ (людей). «Мебель» не входит в определение «стула», тогда как «животное» входит в определение «кота». (*Meuble n'est pas une partie de la définition de chaise, alors qu'un animal est une partie de la définition de chat.*) Таксономическая категоризация, по идее, мешает определять [объект], основываясь лишь на восприятии и распознавании, мешает сосредоточиться на видимой типичности [17, р. 7, 15]. Однако, как отмечает Конен, Этрэн признает, что при включении живых форм в человеческий обиход — при употреблении в пищу, культивировании в саду, выращивании в сельском хозяйстве — их когнитивный статус может меняться. Именно это обстоятельство навело меня на мысль о том, что различия «прагматических режимов» обращения с живыми существами не жестко связаны со сферами, которым эти существа принадлежат: животных могут воспринимать функционально, а с артефактами обращаться в режиме интенциональности [97].

Понятие режима выходит за рамки классического определения действия, поскольку оно акцентирует внимание на типичных свойствах, приписываемых и агентам окружающей среды, и вовлеченному [в действие] «актору», и формат «информации», который применяется при понимании этих свойств [91; 94].

Суждения о вероятном

В этом же ключе мне бы хотелось перетолковать известные опыты Канемана и Тверски, в которых некоторые гипотезы о рациональности и пересмотре вероятностей по Бейесу не получили подтверждения. Как следует из самого понятия «смещения», а именно ему здесь отводится центральное место [56], нормативная ориентация этих исследований сообщается аксиомами, формализующими умозаключения в рамках теории рационального выбора, которой особенно часто пользуются экономисты. Кроме того, нормативность допускает применение теории, объединяющей статистику с теорией вероятности. Эта теория игнорирует контрверзы, связанные с понятием вероятности, в частности, спор Фишера с Нейманом и Пирсоном по поводу логики статистических выводов [44]. Цель экспериментов состояла в демонстрации смещений, возникающих из-за того, что испытуемые неверно оценивали вероятность событий, исходя из априорно заданных в задачах условий, и игнорировали элементарный принцип Бейеса.

Испытуемые в одном из опытов получали следующую информацию: «Линде 31 год, она не замужем, оптимистка, искренняя. Училась на философском. Студенткой живо интересовалась вопросами дискриминации и социальной несправедливости, участвовала в антиядерных демонстрациях» [57, р. 92]. Испытуемые должны дать оценку вероятности для ряда высказываний, включая два следующих: «Линда — кассир в банке» и «Линда — кассир в банке и активистка феминистского движения». Как и можно было ожидать, второе высказывание посчитали более вероятным. Даже среди студентов Стэнфордской школы бизнеса, прослушавших солидный курс по статистике и теории вероятности, 85 % посчитали, что второе высказывание наверняка более вероятно, чем первое, тогда как вероятность сложного события (А и В), по закону Бейеса, меньше или равна вероятностям простых событий А и В. Такой тип смещения Канеман и Тверски обозначают термином «conjunction fallacy» — ложная конъюнкция. Брунер истолковывает результаты опытов Канемана и Тверски, исходя из аналогии с мирами художественного повествования, которые он анализирует, ссылаясь на Гудмена [46] и особенно на Павела [77]. По его мнению, ответы, противоречащие закону Бейеса, не «иллюзорны» относительно реальности, а «реалистичны» для другой реальности, «в том смысле, в каком студенты-филологи воссоздают “реальность”, основываясь на поэме или романе» [11, р. 90]. Если экспериментатор

дает повод испытуемым «вписать (embed) свои суждения в некую историю, мир повествования, то они проигнорируют вероятности Бейеса» [11, p. 89].

Чтобы придать вес своей интерпретации, Брунер дополнительно ссылается на опыты, которые показали, что ответы испытуемых зависят от сопутствующего «эвокативного контекста». Инструкция может благоприятствовать умозаключению по Бейесу, если она, как пишут авторы, «научно» ориентирована, то есть содержит общие формулировки о популяциях; и наоборот, затруднит подобное умозаключение, если будет «клинически» ориентирована, то есть будет настраивать повествованием о конкретном человеке на понимание его ситуации⁴⁷. Кроме того, если изменить формулировку вопроса и спрашивать о частоте («на сто женщин таких, как Линда, сколько придется: кассирш банка; кассирш банка, активно участвующих в феминистском движении»), то доля conjunction fallacy снизится с 77 до 27 % [43, p. 262]⁴⁸.

Особое внимание к повествованию уделяется в традиции литературной критики и художественной литературы. Его значение увеличилось после того, как Рикер провел сопоставление действия и повествования. Не ограничиваясь лингвистическими особенностями и формой повествования, мы попытаемся выделить разные прагматические режимы, которым соответствуют специфические формы схватывания и осмысления (comptes-rendus) живых существ. Повествование в данном случае строилось в соответствии с формой, предназначенной для схватывания людских характеров⁴⁹. Эта трактовка не

⁴⁷ О различиях между статистической и клинической оценкой у врачей на предприятиях и у лечащих врачей см. [30].

⁴⁸ Именно изменение экспериментальных условий сразу привело (в 1960-е годы Эдвардса и Сэвиджа с коллегами) к «открытию» того, что испытуемые «консервативны» — что они не пересматривают свои мнения в свете новой информации в соответствии с бейесовой теоремой и априорно переоценивают вероятность [оцениваемых событий], а потом (в 1970-е годы Канемана и Тверски), что они недостаточно консервативны, поскольку недооценивают вероятность [44].

⁴⁹ После такого эксперимента одна студентка экономического факультета *a posteriori* поясняла, почему она дала противоречащий Бейесу ответ, хотя отлично знала его теорему. Она говорила, что для ответа на поставленный вопрос подходящей исходной посылкой является не вероятность сложного события, а общая полезность. Она утверждала, что полезность для Линды, медленно прирастающая лишь за счет работы кассиром в банке, точнее, за счет получаемого вознаграждения, резко повысится при активном участии в общественной деятельности. При всех возможных возражениях на эту находчивую попытку остаться в рамках традиционных рассуждений отметили, что обращение к функции субъективной полезности, а не к вероятности сложного события, явно указывает на такую форму суждения, в которой вывод детерминируется установками действующего лица.

противоречит широко распространенному и имеющему долгую традицию взгляду, согласно которому наблюдатель ожидает от личности определенную последовательность при совершении различных действий. Не столь важно, изучают личность психологи или социологи, важно [общее] понимание человеческого существа в [категориях] устойчивых диспозиций. Повествование складывается из историй, иллюстрирующих важнейшие характеристики поведения, которые в рамках других режимов могли бы выглядеть забавными и несущественными. С увеличением числа характеристик повествование становится многословным, однако по-прежнему организуется вокруг личности. Всякая несообразная информация расшатывает общую картину. Фактически Канеман и Тверски в систематических смещениях увидели нечто большее, чем недостаток рациональности: «парадигму (paradigme) репрезентативности»⁵⁰, чья логика неизменно отклоняется от вероятностной логики [56, р. 88]. Здесь налицо не быстрое узнавание типичной формы, а поиск информации⁵¹.

Результаты этих последних опытов сходны с опытами, проведенными мной совместно с Болтански [8]. В эксперименте с «портретом» испытуемым в игровой форме была предоставлена полная свобода извлечь из портрета любую информацию с тем, чтобы определить социальную среду человека. Оказалось, что одни формы описаний содержали косвенные, даже явно забавные сведения о повседневности и образе жизни, тогда как другие, формальные описания были более тесно связаны с профессиональной деятельностью. Описания первого рода побуждали к поиску информации, а второго — к статистическому исследованию, которое отталкивается от «жестких», сильно коррелирующих друг с другом переменных. Подчеркнем, сведения первого типа столь тесно связаны с внешне наблюдаемыми чертами человека, что испытуемым с их помощью иногда удается сформировать его «узнаваемый» образ — сформировать некое знание (так, как это делают профессиональные кодировщики). Разумеется, как подчеркивал Конен, в игровом эксперименте нельзя претендовать на полноценный анализ «социального познания, осуществляемого здравым смыслом», так как в нем нельзя смоделировать практическую категоризацию при непосредственном присутствии, предполагающем обращение к воспринимаемой информации [17, р. 165]. Тем не менее, вряд ли стоит полагать, что игра тестирует компетенцию испытуемых производить лишь классификации в официальных терминах и что

⁵⁰ В данном случае событие является репрезентативным, если оно имеет «существенные черты представляемой популяции» или «явно выраженные черты порождающего его процесса» [57, р. 33]. — *Прим. ред.*

⁵¹ Л. Тевено пишет о «парадигме репрезентативности» и «поиске информации», ссылаясь на Д. Канемана и А. Тверски, в то время как у них речь идет об «эвристиках репрезентативности». — *Прим. ред.*

[стимульный] материал и инструкции соотносятся исключительно с «административной экспертизой» [17, р. 140]. Планируя эксперимент, мы стремились создать благоприятные условия для такого толкования случаев, при котором образы строились бы с опорой на внешне наблюдаемые черты людей, действий и мест, а не только на сочетании [изолированных] критериев, применении правил и административных определений. Фактически нам удалось пронаблюдать игроков, применявших либо одну, либо другую схему, в результате чего, в одних случаях мы получали монографическое описание человека, а в других — класс эквивалентности.

Формы вероятного

Наряду с исследованием операций категоризации социологи пытались найти соотношение между способами сопоставления при идентификации и способами описания профессиональной деятельности, как с точки зрения непосредственно занятых в ней работников, так и с точки зрения их представителей. Так, психологи различали профсоюзы, представлявшие разные формы деятельности, в зависимости от способов убеждать в своих правах, а, следовательно, и в зависимости от методов установления коллективной идентичности — посредством общей эквивалентности, устанавливаемой в соответствии с дипломом и институционализированным исполнением обязанностей, либо при помощи персональных характеристик, включающих взаимные гарантии [28, р. 48]. Различие также было выявлено в трактовке взаимоотношений с пациентом. Интерес к эвристикам и профессиональной идентичности сменился интересом к общепринятым способам суждений о достоверном и вероятном, относительно которых люди могут приходиться к согласию и координировать свои действия. Ставилась цель описать разнообразие этих «форм вероятного» [96], при этом внутри каждой формы выявлялись специфические типы доказательства и используемой при доказательстве информации. Суждение стало центральным объектом сравнительных исследований судебных решений и экспертных оценок [90, 93].

В работах, посвященных различным «стилям умозаключения» [48], исследователи уже не ограничивались когнитивными операциями в строгом смысле и стали уделять внимание природе информации и форме объектов, которые используются при умозаключениях. Для этой программы по изучению порядков вероятности можно также взять за образец «Трактат о вероятностях» Кейнса, где он, отказавшись от частотного подхода, исследует «порядки вероятности» как порядки сходства, не допускающие степеней сравнения [58, р. 39]. Можно также упомянуть формализации в терминах возможных миров, с которыми Оливье Фавро тонко связал догадки Кейнса. Тем самым он связал свою идею о «несоизмеримости соотношений вероятности» с модальным понятием «отношение доступности между

возможными мирами» [38], которое Льюис проинтерпретирует как относительное сходство миров. К тому же понятие возможного мира можно истолковать по-разному: лингвистически (Хинтиikka), концептуально (Крипке, Плантинга, Столнейкер) и реалистически, если все возможные миры вместе с принадлежащими им объектами рассматриваются как столь же реальные, как и наш (Льюис).

В совместном с Болтански исследовании порядков значимости ценностей (*les ordres de grandeur*), объектом которого были критические замечания и оправдания [6], мы установили специфику обоснований, используемых при доказательстве в каждом из определенных нами миров⁵². Восстановив традицию риторики, обесцененную критикой идеологий в социальных науках, мы стали исследовать способы обоснований, используемых в различных видах аргументации.

Социальные миры

Очевидно, что понятие «мир» применяют по-разному, особенно в социологии, где оно получило широкое распространение. Его употребляют, с большей или меньшей настойчивостью, когда хотят учесть воздействия реальности, которые в той же мере не схватываются понятиями коллективного представления, мнений и даже культуры. К тому же, по сравнению с понятием принадлежности к группе понятие «мир» меньше ограничивает связи между поступками зависящих от мира людей и их взаимодействиями, как их понимает Стросс, описывая социальные миры как «согласованные порядки» (*ordres négociés*) [40, 86, 87]. Сходным образом поступает и Беккер, когда показывает нам мир искусства, созданный из «сетей совместно действующих индивидов» в соответствии с различными «способами коллективного действия, принимаемыми конвенционально», что предполагает общность убеждений и позволяет экономить время, усилия и ресурсы [2, р. 364]. Разнообразие вкладываемых в этот термин смыслов — от социальных до субъективных миров, — конечно, не исключает недоразумений. Так, Антуан Эньон иронизирует по поводу похвалы Беккера в адрес философа Данто за анализ «artworld» («мира искусства»), тогда как последний, не признавая коллективных механизмов маркирования предметов искусства, приписывает субъекту и «интенциональной структуре», овладевающей объектом, всю полноту власти по превращению его в предмет искусства [50, р. 234]. Выявление границ между мирами становится стимулом для

⁵² Подобно тому, как мы выделяли миры и с соответствующими способами проверки, Салэ и Сторпер [81] наметили множество миров производства и воспользовались понятием «возможного мира» при разработке новых проблем, в основном связанных с интеграцией производства внутри предприятий и их доступом к рынку.

исследований, которые дают интересные сведения об отношениях между мирами и осуществляющих их посредниках — человеческих агентах и гибридах [12, 50], а также «пограничных объектах» [40, 49, 85]. Совершенно очевидно, что статус этих посредников меняется в зависимости от того, как интерпретируются миры. Свое отношение к понятию мира Гофман излагает в «Анализе фреймов». Он высказывается за продолжение традиции, начатой Джемсом в «Восприятии реальности» и нацеленной на то, чтобы установить различие между «мирами» по их статусу реальности, определяемому в зависимости от нашего внимания и интереса к ним, между «возможными подуниверсумами» с присущим каждому из них «специфическим способом существования». Но он не позволяет себе воспользоваться двусмысленностью слова «мир» и предпочитает отказаться от понятия, которым Джемс «распахнул окна свежему воздуху и свету» [45, р. 10⁵³]. Четко определены не только перспективы, открывающиеся перед этим понятием, но и некоторые ограничения, свойственные интеракционистским направлениям. Для упорядочения представлений и поведения внутри социальных групп перспективно изучение динамики взаимного приспособления акторов в терминологии согласования (*négociation*). Однако проблема координации действия часто оказывается второстепенной, как было замечено Луи Кере. В подтверждение он ссылается на критику Гофмана Щеглоффом. Последний полагал, что гофмановское понятие «лицо» имело примерно такой же статус, что и «интерес» в утилитаристской теории действия, а потому оно мало пригодно для изучения координации во взаимодействии [78, р. 258].

б) Представление как политическое действие по установлению порядка

Развивая сказанное о профессиях и их представителях, можно рассмотреть представление и как политическую операцию. Этот вопрос уже возникал несколько раз в предыдущем разделе в связи с социальной статистикой, усредненным и великим человеком, а также в связи с установленным Дюркгеймом и Моссом соответствием между социальными классификациями и социальными иерархиями. Работа Болтански о специалистах [6] целиком посвящена способам, благодаря которым социальная группа получает представительство и обретает политическое существование. Проведенные вместе с ним экспериментальные исследования того, как социальная категоризация осуществляется обычными людьми и экспертами [8], позволили выявить переход от простого сопоставления категорий к такому упорядочению, при

⁵³ См.: Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 62-63.

котором классификация вписывается в ценностный порядок. Статусы, роли и прочие категории социальной идентичности постигаются посредством суждения атрибуции и соответствующих ей операций. Здесь открывается еще более широкое проблемное поле, связанное с необходимостью (для членов наших обществ) конструировать легитимные порядки значимости (*des grandeurs légitimes*).

Способы конструирования политического представителя

Бернар Манен в своем историческом анализе принципов политического представительства ясно показал множество способов представительства, проявляемое главным образом в разнообразии механизмов отбора кандидатов. Совмещение ротации с выбором по жребию наиболее радикально отчуждает представителя от специфических черт собственной личности и, как следствие, от того, кого он представляет. По Аристотелю, наоборот, некоторым людям предоставлено право на правление в силу их личного превосходства, и оно может быть обусловлено их происхождением. Против такого довода теоретиками естественного права выдвигается аргумент о том, что неравенство в силе, талантах, добродетелях или богатстве не может быть источником права управлять, которое возникает из согласия управляемых. Помимо этого принципиального различия, обсуждались и другие варианты представительства. Антифедералисты, как пишет Манен, подчеркивают, что выборы указали бы людей, которые больше находятся на виду или заметнее других (*conspicuous*), отличаются большей известностью или ярче других (*prominent*) [67, p. 173]. Манен отмечает, что в английском языке прилагательные «*conspicuous*» и «*prominent*» имеют одновременно качественный и когнитивный смыслы и обозначают не только то, что выше по качеству, но также и то, что выделяется и привлекает внимание. Так, наряду с обобщенно понимаемым «аристократизмом» представителю начинают приписывать качество, основывающееся на заметности и известности в общественном мнении, которое обретает полную силу при современных СМИ. «Имиджи», средства коммуникации с общественным мнением и его зондажа конституируют «упрощенные и схематичные способы политического представительства». Однако так называемой «демократии участия» («*démocratie du public*») Манен отказывает не только в том, что мы с Болтански определили как «значимость известности в общественном мнении» [7], но и в том, что отношение электората к своему представителю зиждется на личном доверии [67, p. 283]. Наконец, в политической науке сегодня широко распространена непосредственно вдохновленная рынком идея о конструировании представительства на отношениях конкуренции. Ее систематическому изложению мы обязаны Шумпетеру, согласно которому представителями становятся в результате конкурентной борьбы за голоса избирателей [83]. Манен разоблачает распространение

этой модели конкуренции — «либеральной в самом узком смысле ее привязки к рынку» — на парламентские дебаты; он цитирует Карла Шмитта: «Совершенно то же самое [утверждать], что из свободной борьбы мнений возникает истина, или что гармония сама собой образуется из экономической конкуренции» ([82, р. 45]), цит. по [67, р. 236⁵⁴]).

Легитимные порядки значимости ценностей во время споров

У политической науки особый интерес вызывает то, что признано отличительным качеством лиц, наделенных прерогативой правления, и обсуждается ею в понятиях легитимности или в рамках дискурса (о власти, интересах и аппетитах, культуре управления и т. д.), позволяющего критиковать прецедент либо держаться от него на почтительном расстоянии. Однако не только в самом политическом аппарате обсуждают личностные качества политиков и в их достоинствах (*inégalités de qualité*) усматривают источник несправедливости. Даже за пределами сферы права, в повседневных спорах, доходящих иногда до всеобщих разногласий, используются общепринятые оценки для критики и оправдания. В таких случаях, не освобождая политическое руководство от общественных дел в прямом смысле, разногласие касается порядков, которые все же связаны с конструированием представлений об общественном благе и в силу этого являются политическими и моральными. Совместная с Болтански работа позволила изучить легитимные порядки значимости ценностей [7, 55] и проанализировать их легитимность, исходя из грамматики чувства справедливости, общей для всех порядков значимости. Предлагая модель этих порядков, мы одновременно дистанцировались и от элементарных форм религиозной жизни, и от концепций подобия форм познания структуриации социальных групп, чтобы выявить отношение между порядками значимости ценностей и формами [суждений о] вероятном. Тематика оправдательной риторики далее поддерживается соответствующим способом доказательства. Это подводит нас к третьему аспекту исследовательской программы — анализу способов проверки реальности, — и третьему по счету варианту понимания представления как операции, продолженной в объектах, используемых для доказательства (*objets probants*).

в) Представление как инструментальное действие

Представление и в самом деле можно рассматривать как практическую операцию, оснащенную орудиями. Если Дюркгейм, как мы видели, подчеркивал сродство трех понятий — орудия, категории и института, — то изучение ряда статической объективации, напротив, подталкивает к изучению способа, каким категории находят продолжение в материальных объектах и правилах, а также в средствах поддержания

⁵⁴ См. русский перевод: Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 187. Перевод цитаты изменен в соответствии с французским оригиналом: [67, р. 236]. — *Прим. ред.*

и сохранения общих ориентиров. Кроме того, этим объектам необходимо придавать формы, пригодные для обобщения. Конен отводит инструментарию по формированию представлений (*l'équipement des représentations*) примерно ту же роль, что была нами отведена в работах о классификациях и которую я обозначил понятиями «инвестирование в форму» и «когнитивный артефакт»; этот последний термин Доналд Норман ввел, чтобы учесть предназначение средств изложения и обработки информации [73]⁵⁵.

Для понимания того, как знания находят продолжение во внешних объектах, дающих общие ориентиры, полезно рассмотреть вопрос об общих знаниях и представлениях с точки зрения координации социальных акторов в проблемных ситуациях. С новаторскими этнометодологическими исследованиями практик кодирования и с когнитивной социологией Сикурела, выявившего способ, посредством которого актор воспринимает и интерпретирует окружающую среду и узнает, что ему «близко» и «приемлемо» [15], я разошелся по двум направлениям. Во-первых, я внимательно отношусь к объектам, включенным в процедуры по установлению сходства между людьми; во-вторых, учитываю различия в формах сходства и эквивалентности в зависимости от их сферы значимости, коллективного характера, долговечности. По этим направлениям реализовывалась целая программа исследования методов и инструментов, помогающих фиксировать сходства и устанавливать эквивалентность. «Инвестирование в формы» поддерживает масштабную координацию, обеспечивая общие подходы к людям и предметам [37, 98]. Такое инвестирование требует существенных затрат на согласования, в ходе которых идет постоянное соотнесение со всей совокупностью (*la généralité*) установленных форм в терминах сферы их значимости и устойчивости во времени. Этому оформлению подвергаются как люди, так и вещи, которые в результате данного процесса получают квалификацию.

Типы реализма и обращения с предметами

Наш подход к критическим ситуациям разногласий [7] также отводил важную роль типу проверки, которой подвергаются оправдания. Проверки не могли бы ограничиваться какой-то одной формой установления эквивалентности, будь то даже расчет соотношения сил. Разным порядкам квалификации соответствуют различные по своей природе проверки реальности: вдохновение и творчество, глубина доверия, репутация в общественном мнении, проявление общей воли, конкуренция на рынке, техническая эффективность. Ква-

⁵⁵ Конен даже делает вывод о том, что «конструирование таксономических социальных представлений, таким образом, целиком происходит вне процедур понимания социальных отношений» [17, p. 142]. С этим тезисом я не соглашусь по вышеизложенным причинам.

лификация не сводится к категоризации и типизации: она зависит от функций (*saracités*), приписываемых вещам, и от способов их интеграции в легитимные коллективные связи.

Труды по социологии науки и техники открыли путь к углубленным исследованиям отношений между людьми и предметами. В развиваемой Латуром и Каллоном [65] социологии инноваций и противоречий внимание сосредоточено не на действующем человеке, а на сетях, где актантами являются не только люди, но и технические объекты и гибриды [12, 60]. Продолжая исследование «изготовления науки» [60] изучением «онтологии организмов и машин» при проведении экспериментов, Кнор-Цетина выявляет типовые «эпистемические практики», которые помогают открывать реальности, специфические для различных областей научного поиска [59]. В работах, где рассматриваются предметы в процессе действия, наводятся мосты с когнитивной антропологией, исследующей отношения к предметам [66, 73, 74].

Эти исследования могут существенно изменить программу социальных наук и привить социологии внимание к способам обращения с объектами, вовлеченными вместе с людьми в формы коллективного. Развиваемая мною программа изучения способов координации нацелена на учет как предметной (*non-humain*), так и человеческой среды.

Вместо того чтобы обосновывать координацию идей общего взаимопонимания, нужно выявлять разные способы доступа к реальности и учитывать требования реалистичности, которые социальный конструктивизм как раз готов отбросить. Каковы способы вовлеченности в среду, какой тип проверки, или постоянного обращения к реальности управляет этой вовлеченностью — таковы главные вопросы намечаемого мною далее подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alexander J.C.* The antinomies of classical thought. Vol. 2: Marx and Durkheim. Berkeley: University of California Press, 1982.
2. *Becker H.* Les mondes de l'art. Paris: Flammarion, 1988.
3. *Berger P., Luckmann T.* La construction sociale de la réalité. Paris: Méridiens Klincksieck, 1986. [*Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.]
4. *Berque A.* Le sauvage et l'artifice. Les Japonais devant la nature. Paris: Gallimard, 1986.
5. *Bertillon A.* La théorie des moyennes en statistique // Journal de la Société Statistique de Paris. 1876. Vol. 17. P. 265-308.
6. *Boltanski L.* Les cadres: La formation d'un groupe social. Paris: Minuit, 1982.
7. *Boltanski L., Thévenot L.* De la justification. Paris: Gallimard, 1991.
8. *Boltanski L., Thévenot L.* Finding one's way in social space: A study based on games // Social Sciences Information. 1983. Vol. 22. No. 4/5. P. 631-679.

9. Bourdieu P., Boltanski L. Le titre et le poste: rapports entre le système de production et le système de reproduction // Actes de la recherche en science sociales. 1974. No. 2. P. 95-107.
10. Bourdieu P., Passeron J.-C. Sociology and philosophy in France since 1945. Death and resurrection of a philosophy without subject // Social Research. 1967. Vol. XXXIV. No. 1 (Spring). P. 162-212.
11. Bruner J. Actual minds, possible worlds. London: Harvard University Press, 1986.
12. Callon M., Law J. Innovation et ressources locales // La proto-histoire d'un laboratoire ou le difficile mariage de la science et de l'économie. Cahiers du Centre d'Etudes de l'Emploi. 1989. No. 32. P. 1-34.
13. Catégories, prototypes, typicalité / D. Dubois (dir.). Paris: Ed. du CNRS, 1990.
14. Cefai D. Type, typicalité, typification. La perspective phénoménologique // L'enquête sur les catégories. De Durkheim à Sacks. Série "Raisons pratiques". No. 5. Paris: EHESS, 1994. P. 105-128.
15. Cicourel A. Cognitive sociology. Language and learning in social interaction. Harmondsworth: Penguin, 1974.
16. Cladis M.S. A communitarian defense of liberalism. Emile Durkheim and contemporary social theory. Stanford: Stanford University Press, 1992.
17. Conein B. La représentation des catégories sociales: Taxinomie et classification // Mémoire pour l'habilitation à diriger des recherches. Paris: EHESS, 1994.
18. Conein B. Peut-on observer l'interprétation? Daniel Denett et l'éthologie cognitive // Les Formes de l'action. Série "Raison Pratiques". No. 1. Paris: EHESS, 1990. P. 311-334.
19. Corcuff P. Le catégoriel, le professionnel et la classe. Usages contemporains de formes historiques // Genèses. 1991. No. 3 (mars). P. 55-72.
20. Corcuff P. Les nouvelles sociologies. Constructions de la réalité sociale. Paris: Nathan, 1995.
21. Cournot A.-A. Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caractères de la critique philosophique. Paris: Lib. de L. Hachette et Cie, 1851.
22. Cultivating differences. Symbolic boundaries and the making of inequality / Ed. by M. Lamont, M. Fournier. Chicago: Chicago University Press, 1992.
23. Descombes V. La denrée mentale. Paris: Minuit, 1995.
24. Desrosières A. Eléments pour l'histoire des nomenclatures socioprofessionnelles // Pour une histoire de la statistique: T. 1. Paris: INSEE, 1977. P. 155-231.
25. Desrosières A. Histoire de formes: statistiques et sciences sociales avant 1940 // Revue française de sociologie. 1985. Vol. 26. No. 2 (mars-avril).
26. Desrosières A. La politique des grands nombres; histoire de la raison statistique. Paris: La Découverte, 1993.
27. Desrosières A., Goy A., Thévenot L. L'identité sociale dans le travail statistique; la nouvelle nomenclature des professions et catégories socioprofessionnelles // Economie et statistiques. 1983. No. 152 (février). P. 55-81.

28. *Desrosières A., Thévenot L.* Les catégories socioprofessionnelles. Paris: La Découverte, 1988.
29. *Desrosières A., Thévenot L.* Les mots et les chiffres: Les nomenclatures socio-professionnelles // *Economie et Statistique*. 1979. No. 110 (avril).
30. *Dodier N.* L'expertise médicale. Essai de sociologie sur l'exercice du jugement. Paris: Métailié, 1993.
31. *Durkheim E.* Leçons de sociologie. Paris: PUF, 1950.
32. *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris: PUF, 1960. [Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии // *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология* / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998.]
33. *Durkheim E.* Les règles de la méthode sociologique. Paris: PUF, 1983. [Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. *Социология* / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.]
34. *Durkheim E.* Montesquieu et Rousseau, précurseurs de la sociologie. Paris: Librairie Marcel Rivière, 1966.
35. *Durkheim E.* Pragmatisme et sociologie: Cours inédit restitué par A. Cuviller d'après des notes d'étudiants. Paris: Vrin, 1955.
36. *Durkheim E., Mauss M.* De quelques formes primitives de classification. Contribution à l'étude des représentations collectives // *Mauss M.* Essais de sociologie. Paris: Minuit; Col. Points, 1971. [Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 6–73.]
37. *Eymard-Duverney F.* La qualification des produits // *Le travail. Marché, règles, conventions* // R. Salais, L. Thévenot (eds.). Paris: Economica-INSEE, 1986. P. 239-247.
38. *Favereau O.* Probability and uncertainty: 'After all, Keynes was right' // *Economia*. 1988. No. 10 (Octobre). Série PE de la revue «Economie et Sociétés». P. 133-167.
39. *Foucault M.* Les mots et les choses. Paris: Gallimard, 1966. [Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.]
40. *Fujimura J.* Crafting science: Standardized packages, boundary objects, and 'translations' // *Science as practice and culture* / Ed. by A. Pickering. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
41. *Fujimura J.* On methods, ontologies, and representation in the sociology of science: Where do we stand? // *Social organization and social process: Essays in honor of Anselm L. Strauss* / Ed. by D. Maines. Hawthorne: Aldine de Gruyter, 1991.
42. *Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood-Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.
43. *Gigerenzer G.* From tools to theories: A heuristic of discovery in cognitive psychology // *Psychological Review*. 1992. Vol. 98. No. 2. P. 254-267.
44. *Gigerenzer G.* Statistics of the mind // *Gigerenzer G., Swijtink Z., et al.* The empire of chance. How probability changed science and everyday life. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

45. *Goffman E.* Les cadres de l'expérience. Paris: Minuit, 1991. [Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2004.]
46. *Goodman N.* Ways of worldmaking. Indianapolis: Hackett, 1978.
47. *Habermas J.* Théorie de l'agir communicationnel. Paris: Fayard, 1987.
48. *Hacking I.* Language, truth and reason // Rationality and relativism / Ed. by M. Hollis, S. Lukes. Cambridge: MIT Press, 1982. P. 48-66.
49. *Heinich N.* L'esthétique contre l'éthique, ou l'impossible arbitrage: De la tauromachie considérée comme un combat de registres // Espaces et sociétés. 1992. No.°69. P. 39-53.
50. *Hennion A.* La passion musicale. Paris: Métailié, 1993.
51. *Héran F.* La seconde nature de l'habitus. Tradition philosophique et sens commun dans le langage sociologique // Revue française de sociologie. 1987. Vol. XXVIII. P. 385-416.
52. *Isambert F.-A.* Alfred Schütz entre Weber et Husserl // Revue Française de Sociologie. 1989. Vol. XXX. P. 299-319.
53. *Joas H.* Durkheim et le pragmatisme. La psychologie de la conscience et la constitution sociale des catégories // Revue Française de Sociologie. 1984. Vol. XXV. P. 560-581.
54. *Joas H.* Pragmatism and social theory. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
55. Justesse et justice dans le travail / L. Boltanski, L. Thévenot (eds.). Paris: PUF et Centre d'Etudes de l'Emploi, 1989.
56. *Kahneman D., Slovic P., Tversky A.* Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
57. *Kahneman D., Tversky A.* Subjective probability: A judgment of representativeness // *Kahneman D., Slovic P., Tversky A.* Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 84-98.
58. *Keynes J.M.* A treatise on probability // The Collected Writings. Vol. VIII. London: Macmillan, 1921.
59. *Knorr-Cetina K.* The care of the self and blind variations: An ethnography of the empirical in two sciences // The disunity of sciences. Boundaries, contexts, and power / Ed. by P. Galison, D. Stump. Stanford: Stanford University Press, 1995.
60. *Knorr-Cetina K.* The manufacture of knowledge. An essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon Press, 1981.
61. L'enquête sur les catégories. De Durkheim à Sacks // Les objets dans l'action. Série "Raisons pratiques". No. 5 / B. Fradin, L. Quéré, J. Widmer (éds.). Paris: EHESS, 1994.
62. *Lamont M.* L'argent et la morale. Paris: Métailié, 1995.
63. *Lamont M., Wuthnow R.* Betwixt and between: Recent cultural sociology in Europe and the United States // Frontiers of social theory, the new syntheses / Ed. by G. Ritzer. New York: Columbia University Press, 1990.
64. *Laplace P.-S.* Essai philosophique sur les probabilités: T. 2. Paris: Gauthier-Villars et Cie, 1921. [*Лаплас.* Опыт философии теории вероятности. М.: Б.и., 1908.]
65. *Latour B.* La science en action. Paris: La Découverte, 1989.
66. *Lave J.* Cognition in practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

67. *Manin B.* Principes du gouvernement représentatif. Paris: Calmann-Lévy, 1995.
68. *Mauss M.* Divisions et proportions des divisions de la sociologie // *Mauss M.* Essais de sociologie. Paris: Minuit, 1971. P. 42-80.
69. *Merleau-Ponty M.* Le primat de la perception et ses conséquences philosophiques. Grenoble: Сynara, 1989.
70. *Merleau-Ponty M.* Phénoménologie de la perception. Paris: Gallimard, 1945. [*Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999.]
71. *Meyer J.W., Rowan B.* Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American Journal of Sociology.* 1977. Vol. 83. No. 2.
72. *Mill J.S.* The logic of the moral sciences (Sixth book of a system of logic ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence and the methods of scientific investigation). La Salle, Ill.: Open Court, 1988. [*Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Пер. с англ. В.Н. Ивановского. М.: Книжное дело, 1900.]
73. *Norman D.* Les artefacts cognitifs // *Les objets dans l'action.* Série "Raison pratique". No. 4 / В. Conein, N. Dodier, L. Thévenot (éds.). Paris: EHESS, 1993. P. 15-34.
74. *Norman D.* The design of everyday things. New York: Doubleday, 1989.
75. *Parsons T.* The structure of social action. New York: The Free Press, 1968.
76. *Passeron J.-C.* Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel. Paris: Nathan, 1991.
77. *Pavel T.G.* Fictional worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
78. *Quéré L.* Construction de la relation et coordination de l'action dans la conversation // *Les formes de la conversation: 2 vol.* / В. Conein, M. de Fornel, L. Quéré (eds.). Paris: CNET, 1990.
79. *Quetelet A.* Sur l'homme et le développement de ses facultés. Essai de physique sociale: 2 tomes. Paris: Bachelier, 1835. [*Кетле А.* Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики. Т. 1. СПб.: Издание О.И. Бакста, 1865.]
80. *Rosch E.* Classification of real-world object: Origins and representation in cognition // *Thinking: readings in cognitive science* / Ed. by P. Johnson-Laird, P. Wason. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 212-222.
81. *Salais R., Storper M.* Les mondes de production. Paris: EHESS, 1993.
82. *Schmitt C.* Parlementarisme et démocratie. Paris: Seuil, 1988. [*Шмидт К.* Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.]
83. *Schumpeter H.* Capitalisme, socialisme et démocratie, suivi de Les possibilités actuelles du socialisme, et La marche au socialisme. Paris: Payot, 1990.
84. *Schütz A.* Le chercheur et le quotidien. Paris: Méridiens Klincksieck, 1987.
85. *Star S.L., Griesemer J.R.* Institutional ecology, 'translations', and boundary objects: Amateurs and professionals in Berkeley's Museum of vertebrate zoology, 1907-1939 // *Social Studies of Science.* 1989. Vol. 19. P. 387-420.
86. *Strauss A.* (dir.) La trame de la négociation; sociologie qualitative et interactionnisme. Paris: L'Harmattan, 1992.
87. *Strauss A.* Social worlds and legitimation process // *Studies in symbolic interaction: Vol. 4* / Ed. by N. Denzin. London: JAI Press, 1982.

88. Swidler A. Culture in action: Symbols and strategies // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. P. 273-286.
89. The new institutionalism in organizational analysis / Ed. by W. Powell, P. DiMaggio. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
90. Thévenot L. Des chiffres parlants: Mesure statistique et jugement ordinaire / La cité des chiffres / J.-C. Besson (dir.). Paris: Autrement, 1992.
91. Thévenot L. Essai sur les objets usuels: propriétés, fonctions, usages // Les objets dans l'action. Série "Raison pratique". No. 4 / B. Conein, N. Dodier, L. Thévenot (eds). Paris: EHESS, 1993. P. 85-111.
92. Thévenot L. Forme statistique et lien politique. Eléments pour une généalogie des statistiques sociales. Paris: INSEE, 1987.
93. Thévenot L. Jugements ordinaires et jugement de droit // *Annales ESC*. 1992. No. 6 (nov.-déc.). P. 1279-1299.
94. Thévenot L. L'action qui convient / P. Pharo, L. Quéré (eds.) // Les formes de l'action. Série Raison Pratique. No. 1. Paris: EHESS, 1990. P. 39-69.
95. Thévenot L. L'économie du codage social // *Critiques de l'Economie Politique*. 1983. No. 23-24. P. 188-222.
96. Thévenot L. L'enregistrement statistique: une mesure décisive // Actes du colloque du Conseil National de la Statistique. Paris: INSEE, 1983.
97. Thévenot L. Le régime de familiarité; des choses en personnes // *Genèses*. 1994. No. 17. P. 72-101.
98. Thévenot L. Les investissements de forme // *Conventions économiques*. Cahiers de Centre d'Etude de l'Emploi. Paris: PUF, 1986. P. 21-71.
99. Thévenot L. Pragmatic regimes governing the engagement with the world; from familiarity to public 'qualifications' // *Social Practices* / Ed. by K. Knorr-Cetina, T. Schatzki. Cambridge: MIT Press, 1997.
100. Thévenot L. Rationalité ou normes sociales: Une opposition dépassée? // *Le Modèle et l'Enquête*. Les usages du principe de rationalité dans les sciences sociales / L.-A. Gérard-Varet, J.-C. Passeron (dirs.) Paris: Ed. de l'EHESS, 1995. P. 149-189.
101. Thévenot L. Statistique et politique: La normalité du collectif // *Politix*. 1994. No. 25. P. 5-20.
102. Thévenot L. Un emploi à quel titre: L'identité professionnelle dans les questionnaires statistiques // Les catégories socio-professionnelles et leur repérage dans les enquêtes. Archives et documents. No. 38. Paris: Institut National de la Statistique et des Etudes Economiques, 1983. P. 5-39.
103. Thévenot L. Une jeunesse difficile: Les fonctions sociales du flou et de la rigueur dans les classements // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1979. No. 26-27. P. 3-18.
104. Turner S. The social theory of practices: Tradition, tacit knowledge and pre-suppositions. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
105. Weber M. Economy and society / Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978. [Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.]